

Возможна ли семиотика текста? (к постановке вопроса)

Н.Л. Абрамян
ЕРЕВАН

I

Положение о том, что язык есть система знаков, со времен Ф. де Соссюра является общепринятым, хотя, может статься, не все следствия из него выведены. Одно, во всяком случае, ясно – язык может изучаться семиотикой, так что семиотика языка, или лингвосемиотика (к тому же – исторически первая из семиотик), вполне правомерна.

Но может ли семиотически изучаться текст?

II

Мы не можем с чистой совестью развивать семиотику текста, не ответив на вопрос: знак ли текст? И, если «да», то какого типа?

III

Самоочевидное, казалось бы, утверждение, будто текст есть интегративный знак, тем самым категорически предрешает его судьбу, меж тем как о природе текста имеется, как минимум, два разных представления.

Текст может пониматься как линейная цепочка соединенных сегментов. Здесь носитель значения – сегмент, а цепочка сегментов – вторична, ее значение – производно.

Но не менее авторитетно и другое понимание: текст может интерпретироваться как носитель основного значения, как первичный и континуальный – выделение составляющих его знаков затруднительно или искусственно, а смысл «размазан» по всему его n -мерному пространству¹.

---

¹ Такое понимание текста находим, в частности, в статье Ю.М. Лотмана «Риторика – механизм смыслопорождения» (Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 47).

IV

Мы не можем говорить, что текст не линеен: есть все-таки отличие в восприятии картины (безусловно нелинейной) и текста. И не можем утверждать, что он только линеен.

Может быть, нам следовало бы думать так: при восприятии текст линеен, а при постижении – нелинеен? И, симметрично этому, – в замысле нелинеен, при изложении – линеен?¹

V

Хотя непосредственный наш опыт (читаем и пишем букву за буквой, слово за словом) говорит о линейности, протяженности текста, нам не стоит придавать этим свидетельствам безусловную ценность. Запись, изложение все-таки не есть его подлинное порождение. А чтение не обязательно сопровождается пониманием.

Только два примера – по одному с каждой стороны: создания и понимания текста.

Так, что же представляет собой знаменитый герменевтический круг, если не одно из глубоких представлений об одном из совсем не линейных механизмов интерпретации текста?

Теперь – о создании текста. Мы, по счастью, располагаем документальными свидетельствами, т.е. зафиксированным опытом (язык не поворачивается даже назвать их черновиками) некоторых авторов о том, как у них рождался текст. Этот опыт говорит не только о том, что же, забывшись, рисует «меж неоконченных стихов» рука поэта², но и, главным образом, о «запечатлевании» самого процесса вызревания замысла.

И, надо отметить, он вовсе не линеен.

Напомним один широко известный в истории русской литературы феномен. Это рукопись будущего романа «Бесы»³.

Для нас здесь значима не столько продемонстрированная соавторами иконичность этого «текста», сколько несколько иные, в контексте нашего рассмотрения более важные его свойства:

---

¹ Не это ли имела в виду Т.М. Николаева, говоря в своей монографии и о «*линейном* развертывании текста, подобном развертыванию предложения» (Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000. С. 416), и «о понимании текста как упорядоченного семантического *пространства*» (Там же. С. 422. В обоих случаях выделено нами – *Н.А.*).

² Многообразный материал на эту тему см. в книге: «Рисунки русских писателей 17 – начала 20 в. / Авт.-сост. Р. Дуганов». М., 1988.

³ С пристальным вниманием, хотя и в различном контексте, рассмотрена в двух работах: Баршт К., Тороп П. Рукописи Достоевского: рисунок и каллиграфия // Ученые зап. Тарт. ун-та. Труды по знаковым системам. [Т.] XVI. 1983. Вып. 635. С. 135–152; а также Лотман Ю.М. Текст в процессе движения: Автор-Аудитория-Замысел-Текст // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 87–114.

– слова пишутся разного размера, разными шрифтами и в разных направлениях;

– нет никакой уверенности, что предложения, оказавшиеся рядом здесь, пойдут друг за другом в окончательном тексте романа (да и – какого романа, если здесь их по существу несколько? – Н.А.);

– нет синтагматического построения, а есть «пространство сюжетных возможностей»¹.

Нам могут возразить, что таков только *замысел*, а не сам *текст*. Но разве природа текста (особенно – гениального) не такова, что, предъявляя свою синтагматическую «поверхность», он всячески подвигает нас прозревать – по мере сил – его парадигматическую «глубину»?

Если сравнить это описание с соображениями Ю.М. Лотмана касательно риторически построенного текста (например: «всегда присутствующая возможность читать текст в системах нескольких грамматик... т.е. в семиотическом континууме культуры»²), то «избирательное родство» того и другого станет предельно ясно.

VI

Типов риторического построения (причем – текстов не только вербальных) очень много. Мы рассмотрим цитату только как их представителя.

Ср.: «определим ее как фрагмент текста, нарушающий линейное развитие последнего и получающий мотивировку, интегрирующую его в текст, вне данного текста»³.

Цитата, по мнению Ямпольского, нарушает связь знака с неким объектом реальности (миметическую связь), ориентируя знак не на предмет, а на некий иной текст.

VII

Недопонимание или недооценка этих обстоятельств имеет глубокие корни, уходящие в историю лингвистики текста.

Когда лингвистика текста осознала, что предложение не максимальная ее единица и замыслила сделать своим объектом текст, самое главное решение,

¹ Лотман Ю.М. Текст в процессе движения... С. 106.

Не удовлетворяясь при описании соотношения «свернутого» текста / изложения аналитическим языком, Ю.М. Лотман прибегает также к нескольким сравнениям; одно из них показалось нам весьма примечательным: это клубок и разматываемая из него нить (Там же. С. 107).

² Лотман Ю.М. К современному понятию текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб., 2002. С. 81–82.

³ Ямпольский М. Память Тиресия. М., 1993. С. 61.

С этим вполне согласуется характеристика А.Р. Усмановой: в центре современной полемики вокруг текста оказалась проблема смыслопорождения, сопровождаемая осознанием недостаточности признания денотативной отнесенности текста (см.: Усманова А.Р. Текст // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 822).

которое от нее требовалось, состояло в том, аналогичны ли «силы», образующие единство предложения, «силам», формирующим структуру текста. Как нам представляется, эту аналогию она переоценила. Именно против этого и возражала критика первого этапа лингвистики текста; например, такая: «текст создается при помощи языка, из языка, но в то же время текст преобразует, расширяет, совершенствует язык, существует ему вопреки или ограничивает его» (Макс Бензе).

Дело в том, что, трактуя отношения между системой языка и речью, Ф. де Соссюр утверждал, что речь является реализацией языковой системы, но именно – одной, данной. Это мнение не только сохранилось неизменным до самого последнего времени, но и было механически перенесено на отношение язык-текст. Между тем существуют теоретические основания считать речь и текст не тождественными.

Хотя бы потому, что текст – в его уже терминологическом значении – ставит себе иные цели, чем речевая деятельность вообще.

Основной, а для многих лингвистов – даже единственной функцией языка / речи долгое время была коммуникативная. Текст же, согласно Ю.М. Лотману, «кроме коммуникативной... выполняет и смыслообразующую функцию, выступая уже не в качестве пассивной упаковки данного смысла, а как генератор смыслов»¹.

Согласно Лотману, задачей текста является смыслообразование, которое становится возможным как раз благодаря неоднородности, самопротиворечивости текста. Суть в том, что текст характеризуют «сложные диалогические и игровые отношения между разнообразными подструктурами текста, *образующие его внутренний полиглотизм и являющиеся механизмами смыслообразования*»².

Новая функция текста – быть генератором смысла – возникает, согласно этой концепции, благодаря его внутренней неоднородности, как говорил Лотман – полиглотизму.

VIII

У Лотмана, таким образом, упор делается на то, что текст непременно реализует две (и более) знаковые системы. Так возникает «полиглотизм» текста, которому тот обязан сложными диалогическими, игровыми отношениями, не только хранящими, но и порождающими новые смыслы. При всей глубине

---

¹ Лотман Ю.М. К современному понятию текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 80.

² Там же. С. 82 (выделено нами. – *Н.А.*). Существующая уже в литературе интерпретация этой мысли (см.: Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодность, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009), сводящая полиглотизм к наличию в одном и том же семиотически понятом тексте, помимо вербальной, еще и других знаковых систем, представляется неадекватной лотмановской мысли: суть последней в том, что именно вербальный текст содержит в себе разные субтексты (при этом, конечно, не исключается, что в культуре функционируют и тексты смешанного типа).

и принципиальной новизне этих замечаний, все же кажется, что они несколько гипостазировать текстовую реальность, смещают на нее акценты с других компонентов духовного опыта. Одна из восполняющих этот недостаток концепций – рецептивная эстетика.

Подчеркнем, что семиотически разнородные сегменты текста непременно вступают во взаимодействие, взрывая идилию линейного восприятия. Один из механизмов такого взаимодействия, например, – каламбурность иноязычных частей пушкинского эпиграфа «О Русь! О rus!¹».

IX

Понятие о полиглотизме текста, чрезвычайно важное, на наш взгляд, было создано Ю.М. Лотманом под непосредственным влиянием разработок М.М. Бахтина по теории текста, на что сам Лотман неоднократно указывал (при том что Бахтин не употреблял этого термина, предпочитая знаменитый «диалог»). Хотя «полиглотизм» и «диалог» совсем не одно и то же, тем не менее позиции Бахтина и Лотмана сходятся в принципиальном решении вопроса о неоднородности текста. Как писал позже развивший эти идеи Ю.М. Лотман, Бахтиным «в едином тексте вычленяются не только разные, но, что особенно существенно, взаимно-непереводимые субтексты»².

Один момент, на наш взгляд, остается непроясненным, и он потребует новых размышлений. В построенной им системе аргументации Ю.М. Лотман был, на наш взгляд, прав, возражая против сведения законов текста к законам языка, но свою точку зрения он подкреплял примерами текста риторического – то есть заведомо такого, который является реализацией не одной языковой системы, а двух и более. Поэтому нет окончательного решения, относится ли эта, столь принципиальная для нового понимания языка семиотическая неоднородность только к художественному тексту, при создании которого наличие более чем одной системы кодов почти обязательно, или ко всякому³.

---

¹ «О деревня!» (лат.).

² Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ученые зап. Тарт. ун-та. Труды по знаковым системам. XVII. Тарту, 1981. Вып. 567. С. 8.

³ Нами предпринята попытка показать некоторые виды полиглотизма вне художественного текста – см.: Абрамян Н.Л. О многосложности текста // Лингвистические исследования. Ереван, 2011. Вып. 3. С. 10–11.